

«ПУШКИНСКОЕ» В ПОЗДНЕМ ЧЕХОВЕ

С.А. Кибальник

Институт русской литературы РАН; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; kibalnik007@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена значению Пушкина для позднего Чехова. В отличие от значения его для раннего и зрелого Чехова, оно усматривается не просто в использовании пушкинских образов с целью расширения художественного словаря писателя. Речь здесь идет также о существенной ориентации на Пушкина в области реинтерпретации классических художественных тем — в частности, темы подлинной и мнимой любви, намеченной Львом Толстым в «Анне Карениной». Поскольку в образе главного героя чеховской пьесы «Три сестры» барона Тузенбаха есть отчетливо различимые черты автора, здесь можно усмотреть проявление того, что, будучи смертельно больным в последние годы своей жизни, Чехов иногда находил опору во внутреннем сопоставлении своей судьбы с пушкинской. Одновременно в своем позднем творчестве он все более опирался на пушкинскую трактовку некоторых художественных тем. Так, например, характер решения Чеховым темы любви в его поздних рассказах содержит отчетливую отсылку к хрестоматийным пушкинским стихотворениям и поэмам о преобразующем воздействии любви на душу человека. Тем самым, например, образ Гурова из чеховской «Дамы с собачкой» оказывается соотнесен с героями русской литературы, испытавшими подобное преобразование: от Евгения Онегина до Федора Лаврецкого и Константина Левина. Благодаря подобным прямым реминисценциям из Пушкина, рассказ приобретает особые качества. И становится понятно, что он написан с отчетливой опорой на эстетику «преобразования человека», общую для всей русской классики, — от Пушкина до Тургенева, Достоевского и Толстого.

Ключевые слова: Чехов; Пушкин; «пушкинское»; «Три сестры»; Тузенбах; прототип; Гурзуф; «Дама с собачкой»; «Анна Каренина»; Л.Н. Толстой; «Камennyй гость»; «Анджело»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-4

Для цитирования: Кибальник С.А. «Пушкинское» в позднем Чехове // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 56–62.

“PUSHKIN FEATURES” IN THE LATE CHEKHOV

Sergey Kibalnik

*Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences;
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; kibalnik007@mail.ru*

Abstract: The article is devoted to the significance of Pushkin for the late Chekhov. In contrast to the early and mature Chekhov, it is manifested not simply in the use of Pushkin's images to enrich the writer's artistic vocabulary. In his later years, Chekhov also correlated his own fate with Pushkin's and turned to Pushkin to re-interpret classical themes of literature, in particular, the theme of real and imaginary love, outlined by Leo Tolstoy in *Anna Karenina*.

Keywords: Chekhov; the late Chekhov; Pushkin; Tuzenbakh; prototype; Gurzuf; “The Lady with the Dog”; *Anna Karenina*; Leo Tolstoy; *The Stone Guest*; “Angelo”

For citation: Kibalnik S. (2024) “Pushkin Features” in the Late Chekhov. *Lo-monosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 56–62.

Пушкин для Чехова значил, конечно же, немало. И об этом уже немало написано (см., напр.: [Чеховиана 1998]).

По всей вероятности, особое значение Пушкин приобрел в глазах позднего Чехова. С одной стороны, обстоятельства личной жизни то и дело давали ему хотя и немногочисленные, но все же поводы для внутреннего сопоставления их с судьбой Пушкина. С другой стороны, эстетика Пушкина все более открывалась Чехову как вечные законы искусства, которые неожиданным образом оказывались непреложными и для его, казалось бы, совсем иной эпохи.

1. Тузенбах и Пушкин

Пьесе «Три сестры» Чехов начал писать в таком «пушкинском» месте, как Гурзуф. Там он приобрел маленькую дачу на слегка изогнутом берегу моря, по-видимому, вызывавшем у него ассоциации с пушкинским «лукоморьем».

В том числе и поэтому чеховская Маша то и дело повторяет знаменитые пушкинские строки:

«У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том...»¹

Неподалеку от чеховской дачи была так называемая «пушкинская скала». Чехов поминал о ней сестре Марье Павловне с самого момента своей покупки: «Я купил кусочек берега с купаньем и **Пушкинской скалой** около пристани и парка в Гурзуфе. Принадлежит нам теперь целая бухточка, в которой может стоять лодка или катер» [Чехов, П. 9, 14].

¹ Здесь и далее выделено полужирным мной. — С.К.

В 15 минутах ходьбы от чеховской дачи, в Гурзуфском парке, расположена дача герцога А.-Э. Ришелье, на которой Пушкин с семьей генерала Н.Н. Раевского провел три «счастливейших в его жизни» недели в 1820 году.

В конце мая 1899 года, когда Чехов обдумывал новую пьесу, в России отмечалось столетие со дня рождения Пушкина. В печати появлялось множество документов, относящихся к истории его последней дуэли.

Из ряда этих публикаций следовало, что дуэль Пушкина с Дантесом можно было предотвратить. А между тем даже ближайšie друзья так ничего и не сделали.

Может быть, именно в истории дуэли Пушкина Чехов и нашел зерно центральной коллизии «Трех сестер». Это равнодушие, пресловутое чебутыкинское «все равно», увы, так многое объясняющее в истории русской общественной жизни...

Предположение тем вероятней, что в судьбе Пушкина особую роль также сыграли «три сестры» — сестры Гончаровы...

Так что же, барон Тузенбах — это Пушкин? Нет, конечно! Но сюжетную развязку пьесы, по-видимому, отчасти определили размышления Чехова о том, как **всеобщее попустительство привело к гибели первого поэта России...**

Разумеется, Пушкин — это лишь один из возможных прототипов Тузенбаха. Между тем есть у него и другие прототипы. Однако Пушкин среди них далеко не наименее значимый. Поскольку в то же время в Тузенбахе есть и отчетливо различимые черты автора (см.: [Кибальник 2023: 69–70]), можно предположить, что, будучи смертельно больным в последние годы своей жизни, Чехов иногда находил опору во внутреннем сопоставлении своей судьбы с пушкинской.

2.

Рассказ «Дама с собачкой» (1899) довольно прозрачным образом связан с романом Льва Толстого «Анна Каренина». Отношения между Гуровым и Анной Сергеевной складываются вначале как обычный курортный роман. И этим с самого начала напоминают отношения Вронского с Анной.

Отношения этих героев Толстого в каком-то смысле так и остаются на стадии адюльтера. Во втором томе романа Вронский и Анна даже становятся в положение раздраженных противников: «дух зла и обмана», что-то «жестокое», «бесовское», проступающее сквозь «прелесть» Анны на балу в Москве, «непроницаемая броня лжи», на которую наталкивается Каренин, пытаясь вызвать Анну на откровенность <...> — все это рисует **страсть Анны как роковое на-**

важдение, а не как светлое и возвышенное чувство» [Купреянова 1964: 340–341].

Между тем отношения Гурова с Анной Сергеевной с течением времени превращаются в любовь с большой буквы: «Чехову, так сказать, не нужна была любовь как фатально действующая стихийная и разрушительная сила. Ему нужна была **любовь-благо, как сила соединяющая, гуманизирующая и возвышающая**. Любовь Гурова и “дамы с собачкой” была прежде всего делом их духовного мира» [Пруцков 1971: 241, 243].

И происходит это, во-первых, благодаря временному духовному «перерождению» Гурова, которое он испытывает под воздействием этой любви еще в Крыму: «...Гуров думал о том, как, в сущности, если вдуматься, все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда **забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве**. <...> Совершенная праздность, эти поцелуи среди белого дня, с оглядкой и страхом, как бы кто не увидел, жара, запах моря и постоянное мелькание перед глазами праздных, нарядных, сытых людей **точно переродили его**; он говорил Анне Сергеевне о том, как она хороша, как соблазнительна, был нетерпеливо страстен, не отходил от нее ни на шаг...» [Чехов, С. 10, 134].

Неожиданно Гуров при этом начинает напоминать уже не Вронского, а влюбленных героев позднего Пушкина — например, Дон Гуана, полюбившего Донну Анну:

Дона Анна.

И любите давно уж вы меня?

Дон Гуан.

Давно или недавно, сам не знаю,
Но с той поры лишь только знаю цену
Мгновенной жизни, только с той поры
И **понял я, что значит слово Счастье**.

[Пушкин, 7: 157]

А во-вторых, благодаря тому внутреннему кризису, через который Гуров проходит позднее, уже в Москве: «Гуров **не спал всю ночь** и возмущался и затем весь день провел **с головной болью**. И в следующие ночи он **спал дурно**, все сидел в постели и думал **или ходил из угла в угол**. Дети ему **надоели, банк надоел, не хотелось никуда идти, ни о чем говорить**» [Чехов, С. 10, 137].

И этот внутренний кризис напоминает уже тот момент в жизни героя одноименной пушкинской поэмы Анджели, когда, увлекшись Изабелой, он теряет покой:

День целый Андже́ло **безмолвный и угрюмый**
Сидел, уединясь, объят одною думой,
Одним желанием; **всю ночь не тронул сон**
Усталых вежд его. <...>
Размышлять, молиться хочет он,
Но **мыслит, молится рассеянно.** Словами
Он небу говорит, а волей и мечтами
Стремится к ней одной. **В унынье погружен,**
Устами праздными жевал он имя бога,
А в сердце грех кипел. **Душевная тревога**
Его осилила. Правленье для него,
Как дельная, давно затверженная книга,
Несносным сделалось. Скучал он; как от ига,
Отречься был готов от сана своего...

[Пушкин, 5, 114–115]

Получается, что герои Чехова действительно «не потеряли себя, а нашли себя» [Пруцков 1971: 237]. Если же «самое сложное и трудное» в их жизни, тем не менее, «только еще начинается» [Чехов, С. 10, 143], то оно заключено не в самом характере их любви, как у Толстого, а в запутанных семейных отношениях, в которых они оказались вследствие совершенных ими ранее ошибок.

В последнее время в «Даме с собачкой» то и дело предлагается видеть «знакомую амбивалентность составляющей основу рассказа ситуации», при которой «с одинаковым успехом читатель может увидеть здесь и возвышенно-романтическую историю истинного чувства, и трезво-ироническое описание банальной любовной иллюзии». При этом за основание для этого выдается «сугубая субъективность представлений героя и героини: Гурову и Анне *казалось*, что они связаны какими-то мистическими узами, предназначены друг другу самой судьбой. Читатель может согласиться с этой точкой зрения, но **вправе и усомниться в ее истинности**» [Большев 2013: 39].

Однако, вопреки сказанному исследователем, кое-что в чеховском пассаже, о котором идет речь, говорится от лица автора: «**Анна Сергеевна и он любили друг друга, как очень близкие, родные люди, как муж и жена, как нежные друзья;** им казалось, что сама судьба предназначила их друг для друга, и было непонятно, для чего он женат, а она замужем; и точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках. **Они простили друг другу то, чего стыдились в своем прошлом, прощали всё в настоящем и чувствовали, что эта их любовь изменила их обоих**» [Чехов, С. 10, 143].

Даже если полагать, что выделенные нами места также окрашены соседствующей субъективной конструкцией: «им казалось» — если даже считать, что это опять-таки лишь чувства самих героев, то чего же еще нам нужно? Значит, герои и в самом деле любят друг друга. На чем же в таком случае могут основываться предполагаемые исследователем сомнения читателя в истинности их чувств?

Тем более что заключительные слова о том, что «эта любовь изменила их», как будто бы прямо отсылают читателя к пушкинским стихотворениям о преображающем воздействии любви на душу человека и к многочисленным героям русской литературы, испытавшим подобное преображение: от Евгения Онегина до Федора Лаврецкого и Константина Левина. И становится понятно: рассказ написан с отчетливой опорой на эстетику «преображения человека», общую для всей русской классики, — от Пушкина до Тургенева, Достоевского и Толстого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Большев А.О.* Морфология любовной истории. СПб., 2013.
2. *Кибальник С.А.* Ирина и Тузенбах (О прототипах героев чеховской пьесы «Три сестры») // Чехов в меняющемся мире: Биография, комментирование, поэтика. Сб. ст. по материалам Международной научной конференции. Великий Новгород, 22–23 сентября 2022 года. Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2023. С. 65–73.
3. *Купреянова Е.Н.* «Война и мир» и «Анна Каренина» Льва Толстого // История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 270–349.
4. *Пруцков Н.И.* Об одной параллели («Анна Каренина» Толстого и «Дама с собачкой» Чехова) // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 236–246.
5. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1949; 1959.
6. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Соч.: В 18 т. Письма: В 12 т. М., 1974–1983.
7. Чеховиана: Чехов и Пушкин. Сборник. Вып. 7. Отв. ред. В.Б. Катаев. М., 1998.

REFERENCES

1. *Bolshev A.O.* *Morfologiya liubovnoi istorii* [Morphology of a love story]. St. Petersburg, 2013. (In Russ.)
2. *Kibalnik S.A.* *Irina i Tuzenbakh* (O prototipah geroev chekhovskoi p'esy "Tri sestry"). *Chekhov v meniyayushchemsia mire: Biografiya, kommentirovaniye, poetika* [Irina and Tuzenbakh (On the Prototypes of the Characters in "Three Sisters"). Chekhov in the Changing World: Biography, Commentary, Poetics]. *Sbornik Statey po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Velikiy Novgorod, 22–23 September 2022*. Yaroslav Mudry Novgorod State University. Veliky Novgorod, 2023. P. 65–73. (In Russ.)
3. *Kupreyanova E.N.* "Voina i mir" i "Anna Karenina" L'va Tolstogo ["War and Peace" and "Anna Karenina" by Leo Tolstoy]. *Istoriya russkogo romana: V 2 t.* Moscow; Leningrad, 1964. Vol 2. P. 270–349. (In Russ.)

4. Prutskov N.I. Ob odnoi paralleli [On One Parallel] (“Anna Karenina” Tolstogo i “Dama s sobachkoy” Chekhova). *Poetika i stilistika russkoi literatury*. Leningrad, 1971. P. 236–246. (In Russ.)
5. Pushkin A.S. *Poln. sobr. soch.: V 16 t.* [Complete Works: In 16 Vol.]. Moscow; Leningrad, 1949; 1959. (In Russ.)
6. Chekhov A.P. *Poln. sobr. soch.: V 30 t.* [Complete Works: In 30 Vol.]. *Soch.: V 16 t. Pis'ma: V 12 t.* Moscow, 1974–1983. (In Russ.)
7. Chekhoviana: Chekhov i Pushkin [Chekhov and Pushkin]. Issue 7. Ed. by V.B. Kataev. Moscow, 1998. (In Russ.)

Поступила в редакцию 08.02.2024
Принята к публикации 13.02.2024
Отредактирована 09.03.2024

Received 08.02.2024
Accepted 13.02.2024
Revised 09.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, профессор кафедры сопоставительного изучения языков и культур Санкт-Петербургского государственного университета; kibalnik007@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey Kibalnik — Doctor of Philology, a Leading Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Comparative Study of Languages and Cultures, St. Petersburg State University; kibalnik007@mail.ru